

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Исследование феномена современного религиозного экстремизма и выработка мер по борьбе с ним, сопряжены с рядом трудностей, которые неизбежно ставят перед исследователями проблемы методологического характера. Суть этих проблем состоит, прежде всего, в том, чтобы опираясь на философское наследие прошлого и труды современных ученых, осмыслить правовую и политическую сущность религиозного экстремизма как опасного социального явления, определить причины его порождающие и вызываемые им угрозы национальной безопасности, а также перспективные направления противодействия (предотвращения или парирования) религиозному и иному экстремизму на ближайшую и долговременную перспективу. Только решив проблемы методологического характера, можно выстроить правильные ориентиры для деятельности государственных и общественных институтов в рамках борьбы с религиозным экстремизмом при достижении конечной цели — стабильно функционирующей системы национальной безопасности. Таким образом, осмысление феномена религиозного экстремизма предполагает в качестве необходимой предпосылки выделение, обоснование и использование новых методологических средств. Однако в отличие от недавнего прошлого, когда социальные и правовые исследования строились на единой мировоззренческой и методоло-

гической основе, а по существу на моноидеологической основе, в современных условиях наблюдается плюрализм философских взглядов, позиций, научно-ценностных ориентаций, зачастую не только альтернативных, но и конкурирующих между собой. В этой связи, выстраивая «методологическое поле» любого исследования мы не можем обойти без внимания мнение профессора К.Х. Момджяна о том, что: «В научной теории, не переродившейся в систему идеологии, нет категорической альтернативы: Вебер или Маркс, Парсонс или Сорокин. В ней существует единое проблемное поле с конкурирующими гипотезами и установленными истинами, авторская принадлежность важна для историка науки, но не для действующего ученого»¹.

Тем не менее исследователю всегда необходимо определиться с главными методологическими подходами, составляющими основу любого, в том числе административно-правового исследования религиозного экстремизма.

Следует отметить, что методология, в отличие от современного понимания данного термина, долгое время рассматривалась лишь как учение о методах деятельности (метод и «логос» - учение). Подобное понимание методологии ограничивало

¹ См.: Момджян К.Х. Социум. Общество. История. – М., 1994. – С. 64.

ее предмет анализом методов (начиная с Р. Декарта²). «Такой подход имел свои исторические основания, и достиг своего наивысшего развития в период становления марксистской философии, в условиях развития классового общества и разделения труда. Так сложилась классическая для того времени психологическая схема деятельности: цель — мотив — способ — результат»³. Кроме того, в это же время традиционно сложилось представление, что методология целиком относится к научной деятельности. В нашей стране развитие методологии было существенным образом затруднено в советский период, в угоду одному лишь марксистско-ленинскому учению, в то время как иные методологические подходы считались вредными и опасными⁴. Несмотря на это, методология науки, благодаря трудам П.В. Копнина, В.А. Лекторского, В.И. Садовского, В.С. Швырева, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина и других авторов получила некоторое развитие. Именно благодаря им были выявлены четыре методологических уровня познания:

- философский;
- общенаучный;
- научно-научный;
- технологический (конкретные методики и техники исследования).

Разделяя содержание данной концепции, на наш взгляд, следует обратить внимание на мнение Д.А. Керимова, который считает, что последний из названных уровней является переходным от познавательной-теоретической к практически-преобразовательной деятельности.⁵

Вместе с тем, по-нашему мнению, любому ученому необходимо осознавать, что деление методологии на уровни весьма условно и призвано выполнять скорее объяснительную роль, по-

скольку «между различными методологическими уровнями существует неразрывная органическая связь, взаимозависимость, взаимопроникновение и соподчинение»⁶. Так, например, любой научно-научный метод базируется на общих законах и принципах философии, направляется мировоззренческой позицией исследователя. В то же время познание только лишь с позиций философских методов останется не более чем умозрительной теорией без исследования конкретных научных проблем, предметных областей, объективных взаимосвязей внутри изучаемых явлений.

Начиная с середины 80-х годов XX в. отечественными учеными была начата интенсивная разработка проблем методологии, что объясняется в первую очередь потребностями более глубокого проникновения и всестороннего познания общественного бытия и перспектив его преобразования. Так, некоторые современные ученые⁷ справедливо замечают, что связать в систему, накопившийся теоретический и эмпирический материал можно лишь одним путем — преодолеть устоявшиеся стереотипы методологии. Особо отмечается при этом, важность данного процесса для обновления концепции административно-правового регулирования.

В настоящее время большинство исследователей сходятся в том, что под методологией необходимо понимать учение о способах организации и построения теоретической и практической деятельности. При этом организация данной деятельности воспринимается как совокупность процессов и действий ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого. Таким образом теоретический процесс познания проблем противодействия религиозному экстремизму в рамках административно-правового исследования в наиболее общем виде должен сводиться к упорядочиванию отдельных элементов характеризующих данное социальное явление в целостную систему с четко определенными характеристиками, логической структурой и процессом ее осуществления — временной структурой, что соответствует соотно-

² См.: Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно взять свой разум и отыскать истину в науках. Метафизические размышления. Начала философии. — М., 1998.

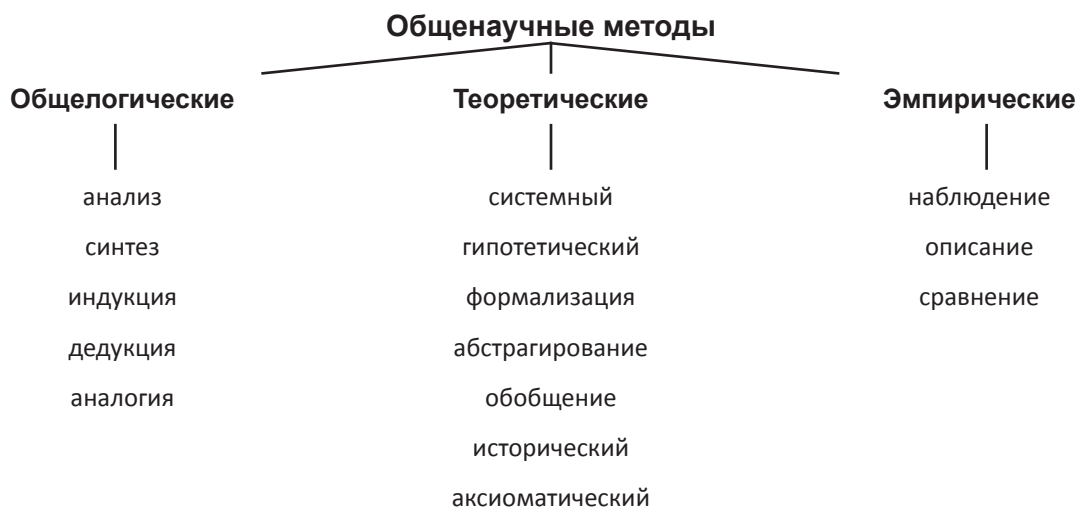
³ См.: Шпигель Л.Т. Национальная безопасность России: сущее и должное // Московская типография. — 2008. — № 2. — С. 15.

⁴ В рамках административного права наличие жесткого идеологического контроля просматривается в трудах отечественных ученых, посвященных реализации норм административного права. Например, Студеникин С.С. К обсуждению вопроса о применении норм советского социалистического права // Советское государство и право. — 1954. — № 8. — С. 77; Лазарев В.В., Попов Л.Л. Новое законодательство об административных правонарушениях и его применение // Советское государство и право. — 1986. — № 3. — С. 51.

⁵ См.: Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). — М., 2000. — С. 21.

⁶ См.: Сыдорук И.И. Государственно-правовой механизм обеспечения правопорядка в Российской Федерации: дис. ... д-ра. юрид. наук. — М., 2002. — С. 49.

⁷ См.: Аврутин Е.Ю., Кикоть В.Я., Сыдорук И.И. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование. — М., 2003. — С. 8; Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. — 2001. — № 5.

шению категорий диалектики «историческое (временное) и логическое». Логическая структура познания, в этом отношении, включает в себя такие компоненты как: субъект, объект, предмет, формы, средства, методы, результат. Внешними же при такой структуре познания будут такие факторы как: принципы, условия, нормы деятельности. При этом для полноты изучения проблемной области связанной с религиозным экстремизмом в рамках науки административного права необходимо использовать методы всех методологических уровней, что будет способствовать выявлению не только различных сторон исследуемого объекта, но и его единство в субстанциональном, содержательном, функциональном отношении. Таким образом, наиболее приемлемая, на наш взгляд, методологическая модель исследования противодействия религиозному экстремизму — это схема диалектического соотношения системы и элемента, целого и части, общего и отдельного, а также законов взаимного влияния данных категорий друг на друга.

Философская рефлексия религиозного экстремизма предполагает, что высшим уровнем познания проблемного поля должна стать философская методология в виде диалектического подхода к познанию тех сложных, многоаспектных взаимозависимостей, которые определяют фундаментальные связи религиозного экстремизма как социального и правового явления с системой общественных отношений. Использование данного подхода позволит структурировать получаемые научные знания об отдельных элементах исследуемой проблемы, что будет способствовать переходу от частного к общему и наоборот, в целях выявления внутренних взаимосвязей системы противодействия религиозному экстремизму

и ее совершенствования. При этом должны быть соблюдены все условия присущие диалектическому уровню познания, а именно:

1. Изучение объектов в свете диалектических законов.
2. Описание и прогнозирование изучаемых явлений и процессов, опираясь на философские категории: общего, особенного и единичного; содержания и формы; сущности и явления; возможности и действительности; необходимого и случайного; причины и следствия.
3. Отношение к объекту исследования как к объективной реальности.
4. Рассмотрение исследуемых явлений и предметов: а) всесторонне, б) во всеобщей связи и взаимозависимости; в) в непрерывном изменении, развитии; г) конкретно-исторически.
5. Проверка полученных знаний на практике.

В качестве следующего шага познания целесообразно «включение» общенаучных методологических процедур. Которые для наибольшей наглядности можно рассмотреть на следующей схеме.

В заключении следует отметить, что направленность представленной методологической структуры не является новой как для административно-правовых исследований, так и для иных отраслевых исследований в совершенно разных областях юридических знаний. Более того, исследование сущности и содержания таких понятий как «экстремизм», «терроризм», «национальная безопасность», «правопорядок», «законность» и др., как правило, во всех исследовательских работах происходит по представленной выше стереотипной методологической схеме. Причем исходя из этой же схемы установлен примерный перечень сюжетов для рассмотрения в

рамках отдельных юридических наук. Однако любая из имеющихся теорий и концепций при ближайшем рассмотрении обнаруживает недостаточную полноту, пробельность и дискуссионность заключенных в ней идей. Это естественно, поскольку элементарные основы диалектического сознания указывают на то, что познание бесконечно, как бесконечен мир, и это основная движущая сила его развития. Но даже с учетом подобных рассуждений следует признать, что любой исследователь стремится найти наиболее, на его взгляд, верный методологический путь который

бы затрагивал не только количественную сторону (совокупность отдельных сторон, элементов, частей интересующего явления) исследуемого предметного поля, а в гораздо большей степени был нацелен на обогащение его качественной стороны. При этом включение собственных исследовательских технологий в общую структуру методологии познания того или иного проблемного поля, в рамках юридической науки, и является залогом обеспечения новизны исследования, а также способствует решению поставленные в его рамках задач.

Библиографический список:

1. Акаев Вахид. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: миф или реальность // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 3 (9).
2. Гусаев С.М. Этноконфессиональные процессы в современном Дагестане: дис... канд. филос. наук. — Махачкала, 2000.
3. Гаджиев Р.Г. Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. — Грозный, 2004.
4. Политические системы и политические культуры Востока. — М., 2007.
5. Джованни Бенси. Преступления и наказания: «Безжалостный Коран?» // Центральная Азия и Кавказ. — 1998. — № 3 (15);
6. Игнатенко А. Эндогенный радикализм в исламе / Ислам и политика. Сб. Статей. — М., 2004.
7. Кудрявцев А. «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 3 (9).
8. Ланда Р. Ислам в истории России. — М., 1995.
9. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. — М., 1998.
10. Наумкин В. О стабилизации ситуации в регионах, соседних с Чечней // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 4(10).
11. Хунгерманн Йенс. Запад еще не осознал опасности. Интервью с израильским профессором господином Бауэром // Die Welt. 19.08.2003.

References (transliteration):

1. Akaev Vakhid. Islamskiy fundamentalizm na Severnom Kavkaze: mif ili real'nost' // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. — 2000. — № 3 (9).
2. Gusaev S.M. Etnokonfessional'nye protsessy v sovremennom Dagestane: Dis... kand. filos. nauk. — Makhachkala, 2000.
3. Gadzhiev R.G. Vakhkhabitskiy faktor v kavkazskoy geopolitike. — Groznyy, 2004.
4. Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka. — M., 2007.
5. Dzhovanni Bensi. Prestupleniya i nakazaniya: «Bezzhalostnyy Koran?» // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. — 1998. — № 3 (15);
6. Ignatenko A. Endogennyy radikalizm v islame / Islam i politika. Sb. Statey. — M., 2004.
7. Kudryavtsev A. «Vakhkhabizm»: problemy religioznogo ekstremizma na Severnom Kavkaze // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. — 2000. — № 3 (9).
8. Landa R. Islam v istorii Rossii. — M., 1995.
9. Malashenko A.V. Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoy Rossii. — M., 1998.
10. Naumkin V. O stabilizatsii situatsii v regionakh, sosednikh s Chechney // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. — 2000. — № 4(10).
11. Khungermann Yens. Zapad eshche ne osoznal opasnosti. Interv'yu s izrail'skim professorom gospodinom Bauerom // Die Welt. 19.08.2003.